

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

БАЙРОНА.

ВЪСНА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Чѣмъ завершить, нль чѣмъ начать разсказъ —
Нерѣдко затруднялись всѣ поэты;
Когда крыло свихнетъ себѣ Пегасъ,
Мы кубаремъ несемся въ волны Леты,
Какъ Люциферъ, за грѣхъ слетѣвшій въ адъ...
Въ насъ тотъ же грѣхъ: бросаю гордый взглядъ. ◆
Мы всѣ умомъ высоко залетаемъ,
Потомъ, увы — безславно внизъ спадаемъ.

II.

Но опытомъ наученные, мы
Лишь послѣ сознаемъ свое бессилье
(Какъ самый бѣсъ среди кромѣшной тьмы)
И опускаемъ робко наши крылья.
Въ дни юности, когда въ насъ кровь кипитъ,
Такая мысль нашъ умъ не шевелитъ
И мы полны и горды до могилы
Той дѣтской вѣрой въ собственныя силы.
Т. СѢН. Отд. I.

III.

Я мальчикомъ въ себѣ увѣренъ былъ
 И ждалъ похвалъ общественнаго мнѣнья,
 Въ дни зрѣлости я точно заслужилъ
 И похвалы, и общее почтенье.
 А что жъ теперь? фантазій мечты
 Опали, какъ осенніе листья,
 И все, что прежде умъ мой поражало —
 Младенчески-забавнымъ нынче стало.

IV.

И если я надъ смертью хохочу,
 То для того, чтобъ скрыть свои рыданья,
 И если плакать часто я хочу,
 То для того, чтобъ облегчить страданье.
 Насъ въ Летѣ ждетъ забвенья вѣчный сонъ.
 Фетиды сынъ былъ въ Стиксѣ окрещенъ.
 Мать смертная могла бъ крестины эти
 Приличнѣе устроить въ самой Летѣ.

V.

Меня враги повсюду въ томъ винятъ,
 Что нравственность я часто оскорбляю
 И смѣло проповѣдую развратъ...
 Своихъ достоинствъ я не защищаю,
 Но мнѣ не снился даже этотъ планъ;
 Когда я принимаюсь за романъ,
 То въ немъ имѣлъ единственную цѣль я
 Избѣгнуть скуки съ помощью веселья, —

VI.

Хоть, можетъ быть, читатель удивленъ
 Моей манерой, нѣсколько свободной...
 Писалъ такъ Пульчи нѣкогда, но онъ
 Инаго вѣка былъ пѣвецъ народный,
 И воспѣвалъ въ своихъ поэмахъ намъ
 Міръ рыцарей, волшебниковъ и дамъ.
 Теперь на нихъ прошла на свѣтѣ мода
 И я пишу разсказъ другаго рода.

VII.

Мнѣ удался разсказъ мой или нѣтъ —
 Не знаю я, — кто хочетъ, такъ и судить.
 Пусть новаго творенія сюжетъ
 Безнравственнымъ казаться многимъ будетъ:
 Въ нашъ молодой и либеральный вѣкъ
 Свободно мыслить каждый человѣкъ...
 Но Аполлонъ зоветъ меня къ роману
 И продолжать исторію я стану.

VIII.

Бѣгутъ удивленія часы
 Для Гайде и Жуана. Въ наказанье
 Сатурнъ не смѣлъ поднять своей косы,
 Чтобъ оскорбить два нѣжныя созданья;
 Хоть, врагъ любви, онъ все-таки скорбѣлъ,
 Что часъ за часомъ быстро такъ летѣлъ:
 Для нихъ, казалось, старость не настанетъ,
 Отъ времени ихъ счастье не увянетъ.

IX.

Не созданы ихъ лица для морщинъ,
 Ихъ кровь безсмертной юностью согрѣта,
 Ихъ волосы знать не должны сѣдинъ
 И жизнь для нихъ, какъ въ небѣ южномъ лѣтѣ,
 Должна безъ увяданья проходить.
 Ихъ можетъ громъ въ мгновенье убить,
 Но разрушенье старости едва ли
 Готовило имъ въ будущемъ печали.

X.

Вдвоемъ теперь опять они сидятъ, —
 Разлуки часъ они не выносили:
 Плотиною закрытый водопадъ,
 Стволъ дерева, которое срубили,
 Ребенокъ, потерявшій рано мать,
 Едва начавшій грудь ея сосать,
 Не скоро такъ угаснуть въ страшной мукѣ,
 Какъ Донъ-Жуанъ и Гайде отъ разлуки.

XI.

Какъ счастливъ тотъ, чье сердце, нѣтъ шарфюръ,
 На части разобьется въ наденья
 Его минуетъ егарости позоръ
 И не коснутся годы разрушенья;
 Онъ не пойметъ страданій долужь лѣтъ:
 Они въ душѣ оставятъ страшный слѣдъ
 И тотъ, кто умереть скорѣй желаетъ —
 Живеть на зло перѣдко и страдаетъ.

XII.

«Кто милъ богамъ, — мужъ въ древности славилъ —
 Тотъ въ этомъ мѣрѣ скоро умираетъ».
 Отъ многихъ золъ, которыхъ онъ не зналъ,
 Его могила скоро избавляетъ.
 Потеря дружбы, счастья конецъ
 Не возмутятъ покой такихъ сердецъ,
 И если гробъ всѣхъ смертныхъ ожидаетъ,
 То счастливъ тотъ, кто рано умираетъ.

XIII.

Жуана съ Гайде гробъ не устрашалъ;
 Они за то лишь время обвинали,
 Что часъ за часомъ быстро пролеталъ...
 Какъ зеркало, ихъ души отражали
 Взаимное блаженство, — каждый разъ
 Ихъ яркій взоръ, блиставшій какъ алмазъ,
 Былъ радости и счастья выраженемъ,
 Не затемненный горемъ и сомнѣнемъ.

XIV.

Пожатіе чуть слышное двухъ рукъ
 И нѣжный трепетъ ихъ прикосновенья
 И поцалуя дѣвственнаго звукъ —
 Имъ замѣняли рѣчи выраженья.
 Обонмъ имъ понятенъ тотъ языкъ,
 Котораго никто бы не постигъ:
 Они одни тѣ рѣчи понимали
 И ими голосъ сердца выражали.

XV.

Они дѣтьми явились въ этотъ свѣтъ
 И кончить жизнь свою должны, какъ дѣти;
 Имъ строгой роли въ мѣрѣ этомъ нѣтъ, —
 Какъ призраки они явились въ свѣтъ,
 Рожденные въ источникѣ одномъ;
 Имъ чуждо все, чѣмъ жизнь кипитъ кругомъ,
 Ихъ мѣрѣ—дѣвты и дово водъ зеркальныхъ,
 Ихъ жизнь—любовь вдали заботъ печальныхъ.

XVI.

Не разъ луна свершила свой обходъ,
 Но въ нихъ не охладѣло упоенье:
 Такая страсть въ сердцахъ не устаетъ,
 Имъ непонятно было пресыщенье,
 Не чувственность связала крѣпко ихъ,
 И все, что такъ опасно для другихъ —
 Въ восторгахъ обладанья, имъ давало
 Иную жизнь и чувствъ не притупляло.

XVII.

Такой любви намъ въ мѣрѣ не найти:
 Для нихъ любовь чужда земныхъ волненій,
 Страстишекъ мелкихъ, жалкаго пути
 Семейныхъ драгъ и сценъ и приключеній,
 Гдѣ Гименея факель освѣщала
 Нерѣдко соблазнительный скандалъ
 И жизнь блудницъ, которая упала,
 Чего мужья одни не понимали.

XVIII.

Но отчего жь счастливая чета
 Опасности подобной набѣжала?
 Врожденная невинность, чистота
 Ихъ дѣвственное чувство охраняла.
 Такія чувства мѣрѣ не признаетъ
 И романтизмомъ нынче ихъ заветъ,
 А романтизмъ теперь не уважаютъ
 И почему-то глупостью считаютъ.

XIX.

Въ иныхъ любовь искусственно живеть
 Отъ чтенья книгъ, отъ жажды наслажденья,
 Но имъ судьба въ любви дала онлотъ;
 Имъ чуждо всѣхъ романовъ возбужденье—
 Для Гайде незнакомъ былъ ихъ обманъ
 И въ строгости воспитанъ былъ Жуанъ:
 У нихъ любовь есть тоже—вдохновенье,
 Какъ соловья плѣнительное пѣнье.

XX.

Они глядятъ на солнечный закатъ.
 Его мгновенья имъ напоминали,
 Что въ тотъ же часъ немного дней назадъ
 Другъ друга въ первый разъ они узнали,
 И сумерки, спускаясь до земли,
 Имъ новое блаженство принесли.
 И все кругомъ теперь ихъ восхищало,
 Все о прошедшемъ имъ напоминало.

XXI.

Но въ этотъ часъ ихъ тайный страхъ смутилъ,
 И горизонтъ ихъ счастья ошрачился:
 Такъ струны арфы вѣтеръ шевелилъ
 Иль надъ огнемъ мгновенно проносился.
 Предчувствіе Жуану давить грудь,
 И онъ не могъ глубоко не вздохнуть,
 А глазки Гайде, полные печали,
 Слезами набѣжавшими сверкали.

XXII.

Тѣ черные, прекрасные глаза—
 За солнцемъ съ тайнымъ трепетомъ слѣдили,
 Какъ будто ждетъ обонхъ ихъ гроза,
 Какъ будто дни ихъ счастья уходили.
 Жуанъ слѣдилъ за Гайде и страдалъ
 Тоской, —ея онъ самъ не понималъ, —
 И за минуту тайнаго смущенья
 Онъ взглядами просилъ ея прощенья.

XXIII.

Тутъ улыбнулась Гайде, и тоска
 Въ ея улыбкѣ милой отражалась.
 Но если скорбь была въ ней велика,
 Она въ себѣ убить ее старалась;
 Когда жь Жуанъ—для шутки, можетъ быть—
 Объ ихъ испугѣ началъ говорить,
 Она его сомнѣнья разгоняла,
 Хоть и ее предчувствіе пугало.

XXIV.

А чтобъ Жуанъ скорѣе замолчалъ—
 Къ его лицу лицо она склоняла
 И поцалуй печаль его прогналъ...
 Да, поцалуй—магическая сила.
 Предпочитаютъ многіе вино,—
 Пренебрегать и этимъ не должно.
 Два эти средства часто помогаютъ,
 Хотя отъ нихъ нередко и страдаютъ.

XXV.

Мы можемъ выбрать—женщину и вино,
 Они блаженства нашего налоги.
 Что лучше выбрать? Мною не рѣшено...
 Ужь если дѣлать выборъ на дорогѣ,
 То оба эти средства для себя
 Избралъ бы я, равно ихъ полюбя...
 Въ любви вино забыть я не желаю,
 А при винѣ любовь не забываю.

XXVI.

Жуанъ и Гайде съ шѣжностью глядятъ
 И въ нихъ такое чувство отражалось,
 Какъ будто смѣрить другъ, любовникъ, братъ, —
 Все это въ ихъ любви соединялось.
 Они другъ въ другъ счастье нашли
 И болѣе любить ужъ не могли.
 И избавляло ихъ отъ пресыщенья
 Чрезмѣрное желанье наслажденья.

XXVII.

О, лучше, если бь умерли они
 Въ объятіяхъ другъ друга въ это время,
 Когда ихъ ждутъ печали новой дни
 И въ будущемъ грезятъ печали бремя.
 Весь лживый свѣтъ былъ созданъ не для нихъ,
 Какъ пѣсня Сафо, страстныхъ и жемчужъ.
 Любовь и жизнь для нихъ соединилась
 И души ихъ съ любовью той сливались.

XXVIII.

Въ глуши лѣсовъ они должны бы жить,
 Какъ соловьи, среди уединенья,
 И тамъ весь свѣтъ порочный позабытъ —
 Его развратъ и гнѣвъ и заблужденья.
 Такъ парами всѣ птички гнѣзда вяжутъ
 И лишь орлы одни всегда живутъ,
 А вороны всѣ стаями летаютъ
 И съ жадностью на группы нападаютъ.

XXIX.

Щекой къ щекѣ склоняясь въ сладкомъ снѣ,
 Жуанъ и Гайде вмѣстѣ задремали,
 Но ихъ дремоту въ этой тишинѣ
 Какія-то видѣнія смущали.
 Шептала Гайде звуки смутныхъ словъ,
 Какъ яркій ключъ межъ тихихъ береговъ;
 Надъ ней неслись невѣдомыя грезы,
 Какъ вѣтерокъ, качавшій стебель ризы,

XXX.

Иль какъ ручей, когда играетъ онъ
 Среди долинъ, взволнованный эфиромъ.
 Таковъ былъ сонъ у Гайде, . . . этотъ сонъ
 Всегда бывалъ для насъ особымъ миромъ,
 Онъ насъ своимъ законамъ подчинялъ
 И въ сновидѣньяхъ мыслить заставлялъ,
 И въ этомъ снѣ, хотъ глаза не открывали,
 Мы чувствовать и видѣть начинали.

XXXI.

Ей снилось, что прикована къ скалѣ,
Она стоитъ, и волны вдругъ играютъ
Валы режутъ и прядаютъ во мгнѣ
И гибелью ей страшной угрожаютъ:
Они лицо уже стали заливать...
Она не можетъ болѣе дышать...
Надъ головою волны заревѣли,
Какъ будто задавить ее хотѣли.

XXXII.

Но вотъ она свободна и бѣжитъ
По острымъ камнямъ... кровь изъ ногъ сочилась...
А впереди, — и Гайде все дрожитъ, —
Какъ будто что-то бѣлое катилось.
Хоть съ ужасомъ, бѣжитъ за нимъ она
И разглядѣть, схватить его должна,
Но всякій разъ, какъ руку поднимаетъ —
Неясный призракъ быстро ускользаетъ.

XXXIII.

Сонъ измѣнился вдругъ. Она идетъ
Пещерою... встаютъ рядами залы
И стѣны ихъ, ихъ полутемный сводъ
Украшали роскошные кораллы.
На Гайде влажны были волосы
И слезъ полны пылавшіе глаза.
Когда жъ съ щеки слеза ея спадала,
То становилась блѣткою кристалла.

XXXIV.

А передъ ней недвижный, будто трупъ,
Какъ пѣна моря блѣдный и холодный,
Лежалъ Жуанъ; не раскрывая губъ...
Не бьется сердце жизни свободной...
Вкругъ пѣли волны пѣсно похоронъ, —
И этотъ сонъ, ужасный, краткій сонъ,
Ей безконечнымъ вѣкомъ показался,
Ее пугаль и все не прекращался.

XXXV.

Вотъ она въ чертахъ его лица
 Черты другія смутно узнавала...
 Она глядитъ и видитъ въ немъ отца...
 И вотъ еще яснѣе сходство стало:
 Вотъ профиль тотъ, отцовскій взглядъ... Она
 Въ минуту ту очнулась вдругъ отъ сна.
 И на нее — какъ страшно пробужденье! —
 Смотрѣлъ отецъ въ то самое мгновенье.

XXXVI.

Она вскочила съ крикомъ и опять
 Назадъ упала: счастье и горе
 Могли ее въ то время изволновать:
 Отецъ былъ живъ и не погибъ онъ въ морѣ,
 Она отца должна всегда любить,
 Но онъ Жуана можетъ погубить!...
 Я Гайде въ ту минуту понимаю:
 Странанье то по опыту я знаю.

XXXVII.

Жуанъ вскочилъ, чтобъ Гайде охранить,
 И поспѣшилъ въ минуту пробужденья
 Передъ пришельцемъ саблю обнажить,
 И въ гнѣвѣ былъ готовъ онъ на отщепенца.
 Тогда Ламбро съ презрѣнiемъ сказалъ:
 «Сто палашей, когдабъ я пожелалъ,
 Здѣсь явятся по одному лишь звуку...
 Такъ опусти съ безсильной саблей руку».

XXXVIII.

Предъ нимъ склоняясь, Гайде говоритъ:
 «То мой отецъ, Жуанъ, передъ тобою!...
 Я чувствую, онъ насъ съ тобой проститъ:
 Склонимся передъ нимъ теперь съ мольбою.
 О, мой отецъ! Прости меня, прости,
 И радости свиданья не смуди...
 Казни меня, казни безъ сожалѣнья,
 Но за него прошу я свиданья».

XXXIX.

Старикъ на дочь взглянулъ и промолчалъ,
 Спокойствіе свѣтилось въ строгомъ взорѣ,
 Хотя подъ нимъ онъ гнѣвъ порой скрывалъ
 И ближнему готовилъ смерть и горе.
 Тутъ къ юношѣ онъ обратился вновь,
 А между тѣмъ въ Жуанѣ нышетъ кровь,
 Въ его лицѣ румянецъ появился:
 Онъ умереть съ оружіемъ рѣшился.

XL.

«Твой мечъ отдай!» сказалъ ему старикъ.
 — «Нѣтъ, никогда!» Ламбро, услыша это,
 Вдругъ поблѣднѣлъ и въ тотъ же самый мигъ
 Въ рукѣ свернуло дуло пистолета.
 «Такъ пусть же кровь прольется въ этотъ день!»
 Сказалъ старикъ и осмотрѣлъ кремь.
 И, наконецъ, исполнивъ дѣло это,
 Онъ поднялъ къверху дуло пистолета.

XLI.

Для слуха звукъ взведеннаго курка
 Особое имѣетъ выраженье,
 Когда подчасъ протививша руна
 Намъ цѣлитъ въ лобъ, не зная сожалѣнья.
 Но привыкаютъ люди ко всему;
 Кто выдержалъ три выстрѣла, тому
 Случается съ улыбкой незамѣтной
 Выслушивать и выстрѣлъ пистолетный.

XLII.

И вотъ Ламбро навальъ своею пистолетъ.
 Еще бы мигъ и — здѣсь конецъ романа
 И нашего героя въ мирѣ нѣтъ.
 Но Гайде заслонила вдругъ Жуана.
 Отчаянно воскликнула она:
 «Пусть я умру: виновна я одна!
 Отецъ! ты твердъ, ты врагъ для всѣхъ опасный:
 Узнай же твердость дочери несчастной».

XLIII.

Еще сейчасъ была она въ слезахъ
 И, слабая и нѣжная, рыдала,
 Теперь же, презирая всякій страхъ,
 Она удара гордо ожидала.
 И словно выше стала въ этотъ часъ.
 Она съ отца не отводила глазъ,
 Но дѣвушки рѣшительные взгляды
 Не ждали ни прощенья, ни пощадъ.

XLIV.

Она глядитъ упорно на огна.
 О, какъ они похожи другъ на друга!
 У нихъ почти одни черты лица
 И тотъ же взоръ, сверкавшій жаромъ неба.
 Она, какъ онъ, жестоко метить негла
 И львицей настоящею была.
 Въ ней кровь отца не даромъ хлопотала;
 Она, какъ онъ, предъ смертью не дрожала.

XLV.

Лицомъ своимъ, осанкою она
 Дѣйствительно на Ламбро цокодила,
 И нѣжность рукъ и кожи бѣлыя
 То сходство въ нихъ обоихъ довершила...
 Такъ, вмѣсто слезъ свиданья въ этотъ мигъ,
 Предъ любящею дочерью старикъ
 Стоялъ надменный съ грозной силой власти...
 Вотъ каковы въ натурахъ сильныхъ страсти!...

XLVI.

Отецъ подумалъ нѣсколько, — повелъ
 Оружье опустить, не оставаясь
 Недвиженъ онъ съ нахмуреннымъ челомъ,
 Затѣмъ сказалъ ей: «Я не добиваясь
 Погибели пришельца, не жалалъ,
 Чтобъ предо мной онъ кровью истемалъ,
 Ему обиду даже я прощаю,
 Но долгъ теперь исполнить я желаю.

XLVII.

«Чтобъ бросилъ онъ ненужный свой клинокъ
Иль съ жизнью сейчасъ же расставался...»
Тогда онъ громко свистнулъ въ свой свистокъ
И на призывъ другой свистокъ раздался.
Въ оружіи отъ головы до ногъ
Тутъ шайка ворвалась черезъ порогъ.
И онъ велѣлъ: «Сейчасъ его схватите
Иль жизни непокорнаго лишите».

XLVIII.

Потомъ къ себѣ привлекъ онъ быстро дочь,
И хотъ она со стовомъ вырывалась,
Но ей ли силу было превозмочь?
Змѣей рука вокругъ Гайде обвивалась.
Межъ тѣмъ Жуанъ толпой былъ окруженъ:
Ужъ одного мечомъ ударилъ онъ,
Такъ что плечо пирата заагѣло.
Онъ щеку разрубилъ другому смѣло.

XLIX.

Но третій былъ старѣйшій изъ рубахъ.
Онъ выдержалъ Жуана нападенье,
Подставивъ подъ удары свой тесакъ,
И вдругъ повергъ его въ одно мгновенье.
Покрылся кровью навпий Донъ-Жуанъ:
Она лилась изъ двухъ глубокихъ ранъ.
Переноса ужаснѣйшую муку,
Онъ раненъ былъ и въ голову, и въ руку.

L.

Онъ, связанный, приподнятъ былъ съ земли,
Пирата знаки быстро вспоминались,
И къ берегу Жуана повесли,
Гдѣ ихъ суда къ отплытію собирались,
И тамъ онъ въ лодкѣ былъ перевезенъ
Къ большому галіету; скоро онъ
Былъ въ темный люкъ опущенъ осторожно:
Жуану бѣгство стало невозможно.

LI.

Случайностями положь этот свѣтъ.
 Кто могъ предвидѣть случай тотъ несчастный;
 Что нашъ герой во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
 Красивый, гордый счастьемъ и прекрасный,
 Превратность жизни долженъ испытать
 И раненный и связанный лежать!..
 А вся бѣда лишь потому случилась,
 Что въ Донъ-Жуана дѣвушка влюбилась!..

LII.

Но замолчу. Себя я взволновалъ
 Китайской нимфой слезъ — зеленымъ чаемъ,
 Когда его я много выпивалъ —
 То былъ сантиментальностью смущаемъ
 И начиналъ богеа (*) черный пить...
 Жаль, что вино намъ можетъ повредить:
 Въ себѣ веселья я не замѣчаю,
 Когда напьюся кофе или чаю —

LIII.

Безъ помощи твоей, родной коньякъ!..
 Прелестная наяда Флегетона!
 Зачѣмъ на печень дѣйствуешь ты такъ
 И насъ кладешь въ постель? Во время оно
 Аракомъ я стаканъ свой наполнялъ,
 Но онъ меня не рѣдко заставлялъ
 Съ ужасной болью ночью просыпаться —
 И отъ него я долженъ отказаться.

LIV.

Мы отъ Жуана къ Гайде перейдемъ.
 Жуанъ былъ живъ, хотъ раненъ, но едва ли
 Страдалъ онъ больше Гайде о быломъ.
 Для Гайде нѣтъ конца ея печали.
 Въ любви, какъ и въ страданіи, она
 Была неутомима и сильна,

(*) Богеа — черный чай.

Чтобъ броситься на новыя приманки:
Она вѣдь родилась отъ мавританки.

LV.

Дочь Африки она была, — страны,
Гдѣ разцвѣтають пышныя оливы,
Гдѣ фрукты ароматны и пышны
И гдѣ въ цвѣтахъ благоухають нивы,
Гдѣ полночью львы грозные ревуть,
Въ пустыньѣ пробирается верблюдь,
И караваны гибнуть въ общей грудѣ...
Природа тамъ иная, какъ и люди.

LVI.

Тотъ край подъ солнцемъ жгучимъ раскаленъ.
Тамъ и земля и кровь людей пылаеть
На зло и на добро, со всѣхъ сторонъ
Тамъ человѣкъ блескъ солнца отражаетъ.
Красавицей родилась Гайде мать;
Ея глаза привыкли отражать
Порывы страсти дикой, но прекрасной,
Дремавшей въ ней сномъ льва у рѣчки ясной.

LVII.

Была нѣжнѣе Гайде создана,
Какъ облака, которыя въ лазури
Бѣгутъ, — и имъ знакома тишина,
Покамѣстъ въ нихъ не зародились бури,
И громъ молчалъ... миръ Гайде былъ разбитъ
И вотъ огонь въ крови ея горитъ.
Онъ, какъ самумъ, летающій въ пустыньѣ,
Пылаеть въ ней и жжетъ ей сердце нѣжнѣ.

LVIII.

Въ ея глазахъ былъ сверженъ Донъ-Жуанъ,
Безчувственный, израненный и плѣнный,
Въ ея глазахъ погибнуть могъ отъ ранъ
Ея любовникъ, другъ ея безцѣнный:
Все это Гайде видѣла въ тотъ часъ...
Потоки слезъ вдругъ хлынули изъ глазъ,

Не вырываясь, Гайде зарыдала
И на руки къ отцу она упала.

LIX.

Одна изъ венъ въ ней лопнула. Бѣжить
Кровь черная изъ устъ ея волною...
Какъ лилія блѣдна, она лежитъ —
Положена въ постель и надъ больною
Печальныя прислужницы стоятъ...
Напрасно пробудить ее хотятъ
Лекарствами: жизнь будто отлетѣла,
А смерть еще коснуться къ ней не смѣла.

LX.

Ужъ много дней, холодная, какъ трупъ,
Она лежитъ и пульсъ ея не бьется,
Но краска не сошла съ открытыхъ губъ:
Казалось, что сейчасъ она проснется.
Еще лица прекрасныя черты
Не потеряли прежней красоты,
И даже и подъ гнетомъ усыпленья —
Въ нихъ сохранилось жизни вдохновенье.

LXI.

Въ ней страсть еще таилась и жила
Какъ въ мраморномъ, холодномъ изваяньѣ,
Но неподвижность та же въ ней была,
Какъ въ статуѣ Венеры, какъ въ страданьѣ,
Въ которомъ изнывалъ Лаокоонъ...
Тѣ статуи живутъ для всѣхъ временъ
Какъ безконечной жизни выраженье,
Хоть въ статуяхъ не видимъ мы движенья.

LXII.

Вотъ Гайде пробудилась наконецъ
И жизнь ей чѣмъ-то новымъ показалась:
Такъ просыпаться можетъ лишь мертвецъ.
Хоть память къ ней почти не возвращалась,
Но безъ сознанья яснаго она
Страданіемъ была поражена.

Прошедшее предъ ней не возставало
И памяти разбитой не пугало.

LXIII.

Она кругомъ бросала мутный взглядъ,
Но будто всѣ ей незнакомы были;
Не слушала она, что говорятъ,
Не видѣла, какъ вокругъ нея ходили,
Какъ будто мысль чужда ей съ давнихъ поръ.
Съ ней заводить старались разговоръ,
Но не могли прервать ея молчанья,
Лишь слышно было тихое дыханье.

LXIV.

Услугъ рабынь и нѣжности отца
Она совсѣмъ тогда не замѣчала —
И нѣтъ игры въ чертахъ ея лица...
Ничто теперь ее не занимало.
Напрасно ей старались угодить,
Но память не могли ей возвратить.
И лишь однажды взоръ ея прекрасный
Сверкнулъ огнемъ: то былъ огонь ужасный.

LXV.

Тогда арфистъ былъ призванъ къ ней и сталъ
Настраиать свой инструментъ уныло,
Когда же онъ на арфѣ заигралъ,
Она свой взоръ на немъ остановила,
Потомъ вдругъ обернулася къ стѣнѣ...
Арфистъ запѣлъ ей пѣснь о старинѣ,
О дняхъ, когда тираны не являлись,
Когда рабы въ цѣпяхъ не пресмыкались.

LXVI.

И пальцами худыми начала
Она бить тактъ той пѣсни заунывной,
Но на любовь вдругъ нѣсна перешла —
И память въ ней воскресла съ силой дивной,
Прошедшее вновь ожило опять
И Гайде начала тогда рыдать.
Т. CVII. Отд. I.

Такъ иногда туманы накопились
И вдругъ дождемъ цѣлебнымъ разряжались.

LXVII.

Увы! въ ней мозгъ былъ сильно потрясень.
Въ безуміи она съ постели встала,
И каждаго, кто былъ къ ней приближень,
Она съ испугомъ, молча избѣгала.
Въ молчаніи проводитъ день она,
Какъ будто словъ и рѣчи лишена,
Какъ будто рѣчь давно ей неизвѣстна:
Безумье Гайде было безсловесно.

LXVIII.

Но отблескъ смысла видѣнь въ Гайде былъ,
Съ отцомъ она встрѣчаться не любила,
Какъ будто онъ теперь ее страшилъ.
Все остальное Гайде выносила.
Отъ пищи и отъ платья каждый разъ
Отказывалась рѣзко: черныхъ глазъ
Сонъ не смыкалъ ни на одно мгновенье:
Къ ней не слетало больше сновидѣнья.

LXIX.

Двѣнадцать дней и столько же ночей
Безуміе душой ея владѣло,
Но наконецъ потухъ огонь очей:
Жизнь безъ мученій въ вѣчность отлетѣла.
Какъ смерть пришла—никто не уловилъ,
И блескъ лица прекраснаго покрылъ
Мракъ смертнаго холоднаго тумана...
Такъ молода и умерла такъ рано!..

LXX.

Да, Гайде умерла, но не одна:
Скончалось съ ней начало жизни новой
И плодъ любви, который, какъ она,
Закроется могилою суровой.
Однимъ ударомъ вмѣстѣ сражены,
Они въ землѣ лежать теперь должны,

Роса небесъ напрасно къ нимъ спадаетъ,
Напрасно къ жизни снова призываетъ...

LXXI.

Пирата дочь была не создана
Для долгаго, упорнаго страданья,
До старости не дожидла бѣ она.
Вся жизнь ея полна очарованья,
Но коротка... Не долги счастья дни,
За то прекрасны были такъ они!...
На берегу морскомъ она почила, —
На берегу, который такъ любила.

LXXII.

Теперь тотъ островъ пусть и дикъ кругомъ,
Всѣ берега печальны и унымы,
Остались тамъ на берегу морскомъ
Ламбрѣ и милой Гайде двѣ могилы.
Но той могилы намъ не отыскать,
Тамъ камня нѣтъ, чтобъ могъ онъ рассказать
Исторію ея любви и горя...
Кругомъ шумятъ лишь только волны моря.

LXXIII.

Но имя Гайде въ пѣсняхъ не умретъ,
Ея любовь гречанкамъ всѣмъ извѣстна;
Не разъ рыбакъ рассказъ о ней начнетъ:
Отецъ былъ храбръ, а дочь была прелестна.
Для Гайде страсть безгрѣшной не была,
Она за грѣхъ свой рано умерла...
Любовь намъ всѣмъ даритъ свои улыбки,
Чтобы потомъ карать за всѣ ошибки.

LXXIV.

Но я на этомъ здѣсь остановлюсь...
Къ чему печали будемъ предаваться?...
Безумье я описывать боюсь,
Чтобъ самому безумнымъ не казаться.
Къ тому же я окончилъ свой рассказъ...
А между тѣмъ Жуанъ ждетъ въ морѣ насъ,

Гдѣ мы его оставили въ оковахъ —
Въ толпѣ людей и грубыхъ, и суровыхъ.

LXXV.

Онъ скованъ былъ и брошенъ въ темный гробъ.
Когда Жуанъ сталъ приходить въ сознанье,
То понялъ онъ, услыша моря шумъ,
Что въ кораблѣ везутъ его въ изгнанье.
Ужъ за кормой остался Иліонъ...
Въ иные дни ему бы радъ былъ онъ,
Теперь же, поднимаясь изъ тумана,
Сягейскій мысъ не радуется Жуана.

LXXVI.

Тамъ на холмѣ, подъ кровомъ тѣхъ небесъ,
Гдѣ въ зелени избушекъ рядъ мелькаетъ,
Покоится въ могилѣ Ахиллесъ
(Бріантъ однако это отрицаетъ),
А далѣе еще курганъ стоитъ.
Не знаемъ мы, кто въ немъ давно зарытъ.
Патроклъ? Аяксъ?... Когда бъ тѣ люди жили,
Насъ и теперь давить они бъ любили.

LXXVII.

Кругомъ холмы, гдѣ нѣтъ могильныхъ плитъ,
Пустыня между скалъ, вершина Иды...
Все здѣсь о славѣ модямъ говорить,
Величія полны въ краю томъ виды.
Большимъ войскамъ вступить здѣсь можно въ бой...
Но тамъ, гдѣ я искалъ передъ собой
Стѣну Иліона—стадо видно тамъ мнѣ,
Да черепаха ползаетъ на камнѣ.

LXXVIII.

Въ иныхъ мѣстахъ лачужки развелись,
По волѣ бродятъ кони поселенца;
Порой пастухъ (не сходенъ съ нимъ Парисъ)
Бѣжитъ взглянуть на гостя-чужеземца,
Порою турокъ съ четками въ рукахъ
Передъ тобой склоняется, Аллахъ!

То Фригія была, но въ ней—я удивлялся—
Мнѣ ни одинъ фригіецъ не попался.

LXXIX.

Здѣсь Донъ-Жуанъ изъ трюма вышелъ вонъ
И понялъ, что въ плѣну онъ находился.
Безсмысленно глядѣлъ на волны онъ,
Гдѣ ликъ героевъ мертвыхъ отразился.
Безсиленный отъ потери крови, сталъ
Онъ предлагать вопросы, но узналъ
Отъ спутниковъ, съ нимъ бывшихъ, не много.
Имъ овладѣла новая тревога.

LXXX.

Межъ плѣнными онъ скоро увидалъ
Артистовъ итальянскихъ: это были
Пѣвцы. Судьбу пѣвцовъ Жуанъ узналъ.
Въ Сицилію они всей труппой плыли,
Но близъ Ливорно встрѣтилъ ихъ пиратъ
И всѣхъ взялъ въ плѣнъ. Антрепренеръ (*) былъ радъ
Продать пѣвцовъ, совсѣмъ забывъ про сцену,
За самую умѣренную цѣну!

LXXXI.

Одинъ пѣвецъ немножко былъ буффонъ,
И хоть его ждалъ рынокъ мусульманскій,
Но весело рассказывать сталъ онъ
О приключеньяхъ труппы итальянской.
Онъ и въ плѣну свой юморъ сохранялъ
И бодрости въ несчастіи не терялъ;
Надъ примадонной часто онъ смѣялся
И теноромъ, который растерялся...

LXXXII.

Онъ такъ свою исторію рассказалъ:
«Близъ берега хозяинъ нашъ проклятый
Вдругъ подалъ неожиданный сигналъ
И тотчасъ въ суднѣ подплыли пираты.

(*) Собственно «Impresario» т. е. тотъ, который набираетъ труппу.

Не заплатилъ намъ денегъ этотъ чортъ...
 Всѣхъ насъ связавши, бросилъ на бортъ.
 Но впрочемъ если вкусъ есть у султана,
 Мы кое-что добудемъ для кармана.

LXXXIII.

«Хоть примадонна наша и стара
 И — нечего таять — понстаскалась,
 Но у нея, — бываетъ та пера —
 Иная нота очень удавалась...
 Потомъ есть въ труппѣ тенора жена,
 Безъ голоса, но очень не дурна:
 Она въ Болоньѣ шумъ производила
 И у старухи графа тамъ отбила.

LXXXIV.

«Но есть, притомъ, танцовщицы у насъ.
 Вотъ, напримѣръ, мотовка эта Нини,
 Охотница до денегъ и проказъ, —
 Вотъ хохотунья наша Пелегрини.
 Пять сотъ цехиновъ далъ ей карнавалъ
 И былъ истраченъ мигомъ капиталъ...
 А на Гротеску каждый заглядится
 И можетъ безъ ума въ нее влюбиться.

LXXXV.

«Есть фигурантки также. Среди ихъ
 Двѣ три; положимъ, милы, какъ картини,
 За то другія всѣ... всѣхъ остальныхъ
 Продать не жалко даже и на рынкѣ...
 Тутъ есть одна, какъ пика высока,
 Могла бъ карьеру сдѣлать, но дика,
 А потому танцуетъ очень вяло
 И быстроты въ ея движеньяхъ мало.

LXXXVI.

«А о мужчинахъ нечего сказать.
 Ну вотъ хоть тотъ: въ любомъ теперь сералѣ
 Онъ евнуха достойнѣ замѣнять:
 Въ немъ качества такія мы узнали,

Но какъ въ пѣвцѣ, въ немъ проку вовсе нѣтъ.
 Весь третій полъ, хоть исходи весь свѣтъ, —
 И трехъ пѣвцовъ хорошихъ не имѣетъ
 И голосомъ свободнѣе не владѣетъ.

LXXXVII.

«Нашъ теноръ потерялъ свой голосъ; бастъ —
 Ну, онъ лишь только ревъ пускать умѣетъ,
 Поетъ не въ тонъ, безъ такта каждый разъ
 И въ музыкѣ понятя не имѣетъ,
 Но примадоннѣ нашей онъ родня:
 Ея рекомендацію цѣня,
 Ту бестию изъ труппы не прогнави,
 Хотя давно осломъ его считали.

LXXXVIII.

«Сэръ, о себѣ я долженъ умолчать.
 Вы молоды, я вижу, но едва ли
 Въ незнаньи васъ могу подоарѣвать:
 Объ операхъ навѣрно вы слыхали.
 Раукоканти — такъ меня зовутъ.
 Вы черезъ годъ себѣ составьте трудъ —
 Отправьтесь въ Луго: тамъ для развлечения
 Послушайте Раукоканти пѣнье.

LXXXIX.

«Ба! я забылъ совсѣмъ про баритона:
 Онъ мальчъ черезчуръ самолюбивый,
 Притомъ необразованъ очень онъ,
 И хоть поетъ почти всегда фальшиво
 И годенъ лишь для пѣнїя балладъ
 На улицахъ, но постоянно радъ
 Высказывать къ судьбѣ своей презрѣнье:
 Онъ о себѣ отличнѣйшаго мнѣнья»...

XC.

Здѣсь прерванъ былъ оратора разсказъ.
 Всѣхъ пѣвниковъ пираты пригласили,
 Чтобы они, — насталь условный часъ, —
 Свои каюты снова посѣтили, —

И всѣ они, бросая грустный взоръ
 На небеса и на морской просторъ,
 Гдѣ волны темно-синія катились,
 Въ свои каюты мрачныя спустились.

XCI.

На утро всѣ узнали жребій свой.
 Султанъ велѣлъ, чтобъ плѣнниковъ сковали
 Для вѣрности попарно межъ собой,
 Мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, и держали
 Всѣхъ въ заперти, пока ихъ изъ каютъ
 На рынокъ межъ рабами не сведутъ.
 Везли ихъ всѣхъ на судишъ, какъ поклажу,
 Въ Константинополь прямо на продажу.

XCII.

Мужчинъ и женъ нечетное число
 Замѣтили при первомъ же осмотрѣ,
 И всѣхъ тогда въ смущенье привело:
 Какъ заковать ихъ по два, а не по три?
 Тутъ къ женщинамъ soprano, какъ иціонъ,
 Отъ общества мужчинъ былъ отрѣшенъ,
 А нашъ Жуанъ (не избѣжалъ оковъ онъ)
 Съ румяною вакханкой былъ закованъ.

XCIII.

Съ Раукоканти теперъ скованъ былъ.
 Они давно другъ друга не терпѣли.
 Теперь не столько плѣнъ ихъ возмутилъ,
 Какъ то, что ихъ связать такъ близко смѣли.
 Не заняты печальною судьбой,
 Они браниться стали межъ собой
 И пробудилась старая въ нихъ злоба...
 Argades ambo, то есть — плуты оба.

XCIV.

А Донъ-Жуана спутница была
 Римлянка молодая изъ Анконы.
 Она глазами пламенными жгла,
 (Къ ней очень шло названье «bella donna»).

Прекрасная и гордая, она
 Желаніемъ однимъ оживлена:
 Всѣхъ приводить въ восторгъ и въ изумленье
 И возбуждать невозное смущенье.

XCV.

Но красоту римлянки въ этотъ разъ
 Не замѣчалъ Жуанъ въ своей печали,
 Не жегъ его огонь прекрасныхъ глазъ
 И хоть оковы очень ихъ обнимали,
 И хоть, порой, горячая рука
 Его руки касалась слегка,
 Но пульсъ его все также ровно бился:
 Жуанъ ни на минуту не забылся.

XCVI.

Не знаю я, какъ могъ онъ устоять,
 Но этотъ фактъ пусть фактомъ остается
 И я его не стану объяснять,
 Хотя не разъ намъ слышать придется:
 «Тотъ, кто огонь въ рукѣ своей держалъ —
 О льдахъ Кавказа вѣрно не мечталъ».
 Такая роль для многихъ наказанье,
 Но Домъ-Жуанъ нашъ вынесъ испытанье.

XCVII.

Я много испытаній пережилъ
 И здѣсь бы въ описанье ихъ пустился,
 Но я и такъ упрёки заслужилъ,
 Что въ повѣсти своей заговорился.
 Такъ пусть герой мой къ берегу спѣшитъ,
 Иначе, — мой издатель говоритъ:
 Скорѣй верблюдъ пролѣзетъ сквозь иголку,
 Чѣмъ мой романъ въ семейный домъ на полку.

XCVIII.

Ну, что жь? я, какъ уступчивый повѣ,
 Другихъ пѣвцовъ читать всѣмъ предлагаю:
 Вотъ Аріосто, Фильдингъ и Смоллетъ,
 Хоть скромности я въ нихъ не замѣтаю...

Владѣль смѣлѣй перомъ я въ старину
 И затѣвать любилъ, порой, войну.
 Поэзія такая собою шумѣла,
 А нынче насъ она тревожитъ мало.

ХСІХ.

Въ дни юности всегда я шумъ любилъ,
 Теперь — покой всему предпочитаю.
 Пускай шумитъ за насъ одинъ зонгъ...
 При жизни ли я славу потеряю
 И высохнетъ мгновенно лавръ вѣнка,
 Иль перейду я долго жить въ вѣнка,
 Мнѣ все равно — травой моя могила
 Вкругъ заростетъ печально и уныло.

С.

Столѣтья пережившіе пѣвцы!
 Скажите: что для васъ земная слава
 И почести и гордые вѣнцы?
 На вашу урну смотрятъ величаво
 Ряды вѣковъ... Такъ снѣжный глыбы комъ
 Летитъ и расширяется кругомъ,
 Горою онъ становится съ разбѣгомъ,
 Но все жъ онъ снѣгъ и будетъ только снѣгомъ.

СІ.

Да, слава — звукъ, одинъ ничтожный звукъ,
 Минутная забава, наслажденье.
 Она, порой, — источникъ многихъ мукъ
 Для тѣхъ, кто убѣгаетъ отъ забвенья...
 Я видѣлъ холмъ, гдѣ Ахиллесъ лежалъ,
 И споры оживленные слышалъ
 О томъ, была ли Троя. Можетъ статься,
 И въ жизни Рима будутъ сомнѣваться...

СІІ.

За человѣкомъ гибнетъ человѣкъ,
 Жизнь давитъ смерть объятіемъ суровымъ,
 И все, что завѣщалъ намъ прошлый вѣкъ,
 Хоронится въ могилу вѣкомъ новымъ.

На все кладеть пенатъ мовильный оубъ:
 За исключеньемъ нѣкоторыхъ именъ
 Кругомъ насъ — безыменныхъ гробницы,
 Съ словами непонятными страницы.

СІІІ.

То мѣсто посѣщаю я, гдѣ палъ
 Ты, Де-Фуа (*)!... Была смертельна рана...
 Ты долго для людей существовалъ,
 Но для тщеславья умеръ слишкомъ рано!...
 Вотъ памятникъ: за нимъ надзора нѣтъ,
 Повсюду разрушенья видѣнь слѣдъ...
 Поставленный въ честь битвы подъ Равенной,
 Заросъ травой тотъ памятникъ священный.

СІV.

Къ могилѣ Данта часто я хожу.
 Красивый куполъ прахъ его скрываетъ,
 Не рѣдко здѣсь людей я нахожу:
 Толпа поэта больше почитаетъ,
 Чѣмъ война, но славы кратокъ слѣдъ —
 Забудется и воинъ, и поэтъ,
 Какъ та для насъ невѣдомая эра —
 До появленья славнаго Гомера.

СV.

Тотъ памятникъ запятнанъ кровью быкъ,
 На немъ лежитъ людское оскверненье.
 Его затѣмъ крестьянинъ осквернилъ,
 Чтобъ показать глубокое презрѣнье.
 И вотъ судьба трофеевъ всей земли!
 Вотъ варвары: они будить могли
 Въ сердцахъ такіа лютыя страданья,
 Которымъ нѣтъ достойнаго названья.

СVІ.

Но все же въ міръ еще пѣвцы придутъ.
 Пусть слава — дымъ, но этомъ дымъ насъ манитъ.

(*) Гастонъ Де-Фуа, герцогъ Немурскій, сынъ Людовика XII, палъ въ битвѣ подъ Равенной въ 1512 г., умирая въ 24 году своей жизни.

Мы съ жадностью бросаемся на трудъ,
Пока насъ опытъ горькій не обманетъ.
Поэзиі всегда могуча власть,
Поэзія есть тоже, что и страсть,
Въ ней говорить страстей языкъ свободный,
Пока она не сдѣлалася модной.

CVII.

Такъ какъ въ иныхъ способность развилась,
Запомянувъ много приключеній,
Ихъ выводить потомъ всѣ на показъ
Съ замѣтками различныхъ наблюденій
И все, что приходилось имъ встрѣчать —
Какъ въ зеркалѣ, печатно выставлять,
То противъ нихъ возстать должны бы всѣ мы, —
Но есть за то и чудныя поэмы!...

CVIII.

Я обращаюсь къ вамъ теперь; да, къ вамъ,
Премудрыя, лазурныя созданья!
Вашъ нѣжный взоръ былъ приговоромъ намъ:
Дадите ль «imprimatur» (*) для изданья?
Ужель мой трудъ къ пирожникамъ пойдетъ
И, неизвѣстный міру, пропадетъ?
Скажите мнѣ: кастальскимъ вашимъ чаемъ
Ужель я не буду угощаемъ?...

CIX.

Иль я уже перестаю быть «львомъ»,
Пѣвцомъ баловъ, буфономъ всѣхъ салоновъ?
Или похвалъ не слышу я кругомъ
Средь шарканья, улыбокъ и поклоновъ?
О, если такъ, я какъ Вордсвортъ скажу,
Что въ славѣ лоттерею нахожу,
Что дамы въ синихъ юбкахъ для забавы
Намъ раздаютъ вѣнки мишурной славы.

(*) «Imprimatur», выдается на послѣдней корректурѣ: означать.

СХ.

О, «голубой, густой, прекрасный цвѣтъ»!
 О небесахъ одинъ поэтъ такъ пишетъ, —
 Я жь славлю васъ, о, лэди!... Много лѣтъ
 Слыхалъ ужь я: чудожъ вашъ смѣй вышнѣ
 (Цвѣтъ синій на чулкахъ я не встрѣчалъ
 А потому его не постигалъ)
 И также синь, какъ ордена подвязки...
 Но, можетъ быть, все это только сказки...

СХІ.

Хотя межъ васъ не мало милыхъ дамъ,
 Но годы тѣ изчезли несовратно,
 Когда въ стихахъ въ любви я клялся вамъ...
 А впрочемъ, мнѣ всегда встрѣчать пріятно
 Дамъ развитыхъ; одну изъ нихъ давно
 Встрѣчать мнѣ часто въ свѣтѣ суждено:
 Она—чиста, прекрасна, благородна,
 Но, къ сожалѣнью,—очень сумасбродна.

СХІІ.

Я знаю, Гумбольдтъ вздумалъ изобрѣсть
 Воздушный инструментъ. Ему названье
 Особое, какъ помнится мнѣ, есть (*).
 Онъ имъ хотѣлъ провѣрять состоянье
 Атмосферы и смыслы небесъ.
 О, лэди Дафна! вмѣсто тѣхъ чудесъ,
 Чтобы я вамъ скорѣе началъ вѣрять,
 Позвольте васъ на этотъ разъ измѣрить!...

СХІІІ.

Но возвратимся къ плѣннымъ. Судно ихъ
 У стѣнъ серая вдругъ остановилось
 И съ корабля толпа людей живыхъ
 Въ Стамбулъ на продажу отводилась.
 Они не пострадали отъ чумы
 И между нихъ, — увидѣли бы мы, —
 Черкешенки, славянки и грузинки
 Ждутъ щедрыхъ покупателей на рынкѣ.

(*) Километръ.

СХІV.

Вотъ чудная черкешенка. Она,
 Съ ручательствомъ въ невинности, за цѣну
 Высокую была тамъ продана,
 Другихъ красавицъ требуя на смѣну,
 И полные завистливой тоски,
 Спѣшили отойти покупщики;
 Черкешенка имъ въ руки не попалась:
 Она въ гаремъ султана назначалась.

СХV.

За цѣну очень крупную несли
 Двѣнадцать негрятенокъ. Въ это время
 Такъ въ Индіи продать ихъ не могли,
 Хоть Вильберфорсъ все черное ихъ племя
 Двойной цѣной на рынкахъ обложилъ,
 Но этотъ фактъ насъ вовсе не дивилъ:
 Порокъ законовъ вовсе не бонется,
 И въ прихотяхъ своихъ не покусится.

СХVІ.

А гдѣ же итальянскіе пѣвцы?
 Иныхъ — паша, иныхъ жида кунили,
 Тѣ разбрелись въ цѣняхъ во всѣ концы,
 Тѣ ренегатствомъ плѣнь свой сократили;
 А группа женщинъ съ страхомъ тайнымъ ждетъ,
 Кого изъ нихъ старикъ къ себѣ возьметъ
 Любовницей, женой или рабою...
 Онѣ дрожатъ предъ будущей судьбою.

СХVІІ.

Но эта пѣсня кончена. Разсказъ
 Изъ скромности я здѣсь перерываю
 (И безъ того я долго мучилъ васъ).
 Объ участи героя общаю
 Подробно въ пятой пѣснѣ разсказать.
 Желанью Музы долженъ я внимать
 И въ пятой пѣснѣ этого романа
 Я вновь начну исторію Жуана.

ДМИТРІЙ МИХАЕВЪ.

СОВРЕМЕННОСТЬ

1865

№ IV АПРѢЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)